

Стерн Лоренс

Тристрам Шенди
Роман

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Л78

Л78 **Лоренс С.**
Тристрам Шенди: Роман / Стерн Лоренс – М.: Книга по Требованию, 2023. – 594 с.

ISBN 978-5-519-75464-4

ISBN 978-5-519-75464-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рой оставались на островѣ Уайтѣ, пока полкъ отца не вернулся въ Ирландію, въ Викло (Wicklow), откуда онъ и послалъ за нами. Во время нашего пребыванія на островѣ Уайтѣ, мы были вознаграждены за потерю Іорама рожденіемъ дѣвочки Анны, явившейся на свѣтъ 23 сентябрю 1719 г.; этотъ красивый цѣтокъ погибъ, трехъ лѣтъ отъ роду, въ дублинскихъ казармахъ; я помню, что она была нѣжнаго и недолговѣчнаго сложенія, какъ и большинство дѣтей моего отца. Мы отправились моремъ въ Дублинъ и попали подъ страшную бурю, изъ которой насилу выбрались въ цѣлости; моя мать упросила капитана вернуться въ Уэльсъ, гдѣ мы переждали мѣсяць, и поѣхали потомъ въ Дублинъ, откуда уже сухимъ путемъ добрались до Викло, къ отцу, который уже нѣсколько недѣль считалъ насъ погибшими. Мы прожили въ казармахъ Викло одинъ годъ (1720 й), въ теченіе котораго родился Девиджееръ (Devijeher), названный такъ въ честь полковника Девиджеэра. Отсюда мы переселились на полгода къ одному священнику, господину Фетерстону (Fetherston), миляхъ въ семи отъ Викло; онъ былъ родственникъ моей матери и пригласилъ насъ въ свой приходъ въ Анимо. Во время нашего пребыванія въ этомъ приходѣ, я какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти. Я упалъ въ мельничій шлюзъ въ то время, когда мельница работала, но былъ вытащенъ оттуда цѣлъ и невредимъ; хотя рассказъ этотъ кажется невѣроятнымъ, однако его подтверждать жители той части Ирландіи; тогда сотни простонародья стекались смотрѣть на меня. Отсюда мы послѣдовали за полкомъ въ Дублинъ, гдѣ прожили годъ въ казармахъ. Въ этомъ (1721) году я научился писать. Въ 1722 году полкъ былъ переведенъ въ Каррикфергусъ (Carriekfergus), въ сѣверной Ирландіи. Снова мы перемѣнили лагерь, но не пошли дальше Дрогиды (Drogheda), такъ какъ здѣсь засталъ насъ приказъ отправиться въ Муллингаръ (Mullingar), сорокъ миль къ западу. Здѣсь судьбѣ угодно было натолкнуть насъ на одного нашего добраго родственника, происходившаго въ боковой линіи отъ архіепископа Стерна; онъ пріютилъ насъ на годъ въ своемъ замкѣ, и отправилъ къ полку въ Каррикфергусъ, облагодѣтельствовавъ, чѣмъ только могъ. Путешествіе наше, въ мартѣ мѣсяцѣ, было полно невзгодъ и

всякихъ тягостей и продолжалось шесть или семь дней. Здѣсь умеръ маленькій Девиджеэръ, будучи трехъ лѣтъ отъ роду; на слѣдующее лѣто на смѣну его явилось новое дитя—Сузанна, и этотъ младенецъ отсталъ отъ насъ на тяжеломъ жизненномъ пути. Осенью слѣдующаго года (или весною слѣдующаго за этимъ—не помню) мой отецъ взялъ отпускъ у своего полковника для того, чтобы помѣстить меня въ школу къ одному опытному учителю возлѣ Галифакса; здѣсь я пробылъ нѣсколько времени, пока мой двоюродный братъ Стернъ изъ Эльвингтона, заступившій для меня мѣсто отца, не отправилъ меня въ университетъ. Но не буду опережать хода событій. На другой годъ, полкъ отца былъ переведенъ въ Лондондерри, гдѣ опять родилась сестра Екатерина, находящаяся еще въ живыхъ, но, къ несчастію, отдалившаяся отъ меня, благодаря стараніямъ моего дяди. Отсюда полкъ былъ отправленъ на защиту Гибралтара; тамъ, во время осады, у моего отца случилась ссора съ капитаномъ Филиппсомъ изъ-за какого-то гуся, дошедшая до дуэли; отецъ мой былъ проколотъ насквозь шпагой, но оправился отъ раны, хотя и не вполне, такъ что онъ уже былъ не въ силахъ бороться съ трудностями службы, и, будучи отправленъ въ Ямайку, слегъ отъ мѣстной лихорадки; эта болѣзнь сначала лишила его разсудка до того, что онъ впалъ въ совершенное дѣтство; но послѣ того онъ прожилъ мѣсяца два, ни на что не жалуясь, какъ вдругъ однажды неожиданно скончался, спокойно усаживаясь въ кресло; это случилось въ портѣ Автоніо, въ сѣверной части острова. Мой отецъ былъ маленький, веселый человѣкъ, до крайности подвижной и дѣятельный, любитель всякихъ упражненій, неутомимый и выносливый, терпѣливый въ невзгодахъ, которыми Господь его не забывалъ... Онъ былъ характера немного горячаго и вспыльчиваго, но, въ сущности, добраго и довѣрчиваго и настолько прямого, что никогда ни къ кому не относился съ подозрѣніемъ, и его легко было обмануть хоть десять разъ на день, если девяти не было исполнѣ достаточно... Онъ умеръ въ мартѣ 1731 года. Я оставался въ Галифаксѣ до конца этого года; не могу не разсказать здѣсь слѣдующаго анекдота о моемъ тамъ пребываніи. Въ нашемъ классѣ какъ разъ только что кончили бѣлить потолокъ,

и даже еще не успѣли вынести лѣстницу; мнѣ и вздумалось взобраться на нее и намалевать кистью на чистомъ потолкѣ громадными буквами—LAU. STERNE; воспитатель же, увидѣвъ это, поймалъ меня и выпоролъ самымъ жестокимъ образомъ. Учитель мой былъ очень недоволенъ его поступкомъ и сказалъ ему при мнѣ, что «это имя нигдѣ не должно быть стерто, такъ какъ оно принадлежитъ геніальному мальчику, которому навѣрно суждено выдѣлаться и прославиться на вѣки». Эти слова изгладили изъ моей памяти впечатлѣніе полученныхъ ударовъ. Въ 32-мъ году мой двоюродный братъ отгравилъ меня въ университетъ, гдѣ я пробылъ нѣсколько времени. Оттуда я пріѣхалъ въ Іоркъ, и мой дядя доставилъ мнѣ доходъ съ Сеттонскаго (Sutton) прихода; въ Іоркѣ же я познакомился съ своей будущей женой и ухаживалъ за ней въ теченіе двухъ лѣтъ; она говорила, что любить меня, но считаетъ себя слишкомъ бѣдной въ сравненіи со мной, чтобы намъ жить вмѣстѣ. Когда она уѣзжала къ своей сестрѣ, я часто писалъ ей, и мнѣ кажется, что она почти рѣшила уже принять мое предложеніе, но не хотѣла только въ этомъ сознаться. Вернувшись отъ сестры, она серьезно заболѣла, и когда я однажды вечеромъ сидѣлъ у нея, въ большемъ горѣ отъ ея болѣзни, она обратилась ко мнѣ и сказала: «Дорогой мой Лори (Laurey), я никогда не буду твоей, ибо я убѣждена, что мнѣ немного осталось жить; но я завѣщаю тебѣ каждый шиллингъ моего состоянія», и она показала мнѣ свое завѣщаніе. Такое великодушіе меня совершенно сразило. Но Богу было угодно, чтобы она выздоровѣла, и въ 1741 году мы повѣнчались. Въ то время я былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ своимъ дядюшкой, и онъ даже выхлопоталъ для меня мѣсто каноника въ Іоркѣ; послѣ онъ разсорился со мной изъ-за того, что я не соглашался писать статьи для газетъ: онъ былъ человѣкомъ партіи, я-же никогда ни къ какой партіи не принадлежалъ и всегда считалъ эту грязную работу недостойной меня; съ той поры онъ сталъ моимъ злѣйшимъ врагомъ. Черезъ жену мнѣ удалось пріобрѣсти церковные доходы и въ Стиллингтонѣ; въ Сеттонѣ я прожилъ почти двадцать лѣтъ, исполняя свои обязанности въ обоихъ мѣстахъ. Тогда я былъ въ полномъ здо-

рвыи. Занятіями моими были — чтеніе, рисованіе, игра на скрипкѣ и охота. Что касается сеттонскаго помѣщика, то я не могу сказать, чтобы мы были съ нимъ особенно дружны; за то стиллингтонскій былъ очень добръ и внимателенъ къ намъ, такъ что было истиннымъ наслажденіемъ имѣть въ полутора миляхъ такое радушное, дружественное семейство. Въ 1760 году, нанявъ въ Йоркѣ домъ для жены и дочери, я самъ отправился въ Лондонъ, по дѣламъ изданія двухъ первыхъ томовъ Шенди¹⁾. Въ этомъ же году, лордъ Фальконбриджъ (Falconbrige) доставилъ мнѣ приходъ въ Коксвудѣ (Coxwoud) — пріятное уединеніе послѣ Сеттона. Въ шестьдесятъ второмъ году, до заключенія мира, я отправился съ семьей въ Парижъ; оставивъ жену и дочь во Франціи, я, спустя два года, поѣхалъ для поправленія здоровья въ Италію; возвращаясь оттуда, я заѣхалъ къ женѣ и убѣждалъ ее ѣхать со мной въ Англію, но она только недавно исполнила мое желаніе и несказанно обрадовала меня тѣмъ, что я вижу снова мою дѣвочку²⁾ именно такой, какъ я желалъ³⁾».

Остается прослѣдить событія послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Стерна. Въ концѣ 1767 года, онъ поѣхалъ изъ Йорка въ Лондонъ для напечатанія «Сантиментальнаго Путешествія», которое было написано имъ предыдущимъ лѣтомъ въ его любимомъ Коксвудѣ. Силы постепенно покидали его, но онъ не переставалъ посѣщать друзей и не терялъ своего веселаго настроенія духа. Съ февраля 1768 года, онъ началъ чувствовать приближеніе смерти, и съ заботливостію добраго человѣка и любящаго отца всецѣло занялся обезпеченіемъ судьбы своей дочери. Его письма, относящіяся къ этому періоду, рисуютъ его съ такой симпатичной стороны, что приходится жалѣть объ обнародованіи нѣкоторыхъ другихъ, тоже попавшихъ въ печать. Его разслабленный и хилый организмъ не долго боролся съ недугомъ, и 18-го марта 1768 года онъ умеръ въ

¹⁾ «Тристрамъ Шенди» выходилъ по частямъ въ теченіе 8 лѣтъ, именно съ 1759 до 1767.

²⁾ У Стерна была единственная дочь Лидія, которую онъ страстно любилъ.

³⁾ Надо думать, что этотъ очеркъ жизни Стерна былъ написанъ имъ мѣсяцевъ за шесть до смерти.

меблированныхъ комнатахъ въ Бондъ-Стритъ (Bond-Street), 22-го числа того-же мѣсяца онъ былъ похороненъ на новомъ кладбищѣ, принадлежащемъ Георгіевскому приходу, на Ганноверской площади (Hanover-Square), самымъ скромнымъ образомъ. Только много лѣтъ спустя, ему поставленъ былъ памятникъ, далеко не достойный его памяти, на которомъ изображена слѣдующая надпись:

«Возлѣ сего мѣста
покоится тѣло
Преподобнаго Лоренца Стерна, А. М. ¹⁾
Скончался сентября 13-го 1768 ²⁾
55 лѣтъ отъ роду.

Если здравая мысль, горячее сердце, человѣколюбивая грудь,
Незапятнанное имя, безпорочная душа
И умственная мощь заслуживаютъ
Увѣнчаніи безсмертной славой—
Стернъ тотъ человѣкъ, который мощнымъ взмахомъ
Искоренялъ предрасудки направо и налѣво.
Но къ чему привело его удивительное знаніе человѣка.
Раскрывшее ему тайные двигатели мысли?
Чего оно стоило ему?—Осмыслить, извращенъ,
Оскорбленъ глупцами и обвиненъ лицеутрами!
Читатель, зри въ немъ и свою судьбу;
Подобно ему, презирай то, что грѣхъ было бы ненавидѣть».

Этотъ могильный камень былъ воздвигнутъ двумя братьями-масонами, хотя Стернъ и не дожилъ до того, чтобы быть членомъ ихъ сообщества; но его дѣла ясно показываютъ, что имъ руководили ихъ-же принципы, вслѣдствіе этого они сочли себя счастливыми, что имъ представилась возможность сохранить для потомства память о его возвышенной и безупречной личности.

Какъ мы видимъ, самъ Стернъ приводитъ чрезвычайно мало данныхъ, которыя могли бы дать намъ понятіе о его характерѣ. Позднѣйшіе критики и изслѣдователи Стерна пользовались по этому вопросу, главнымъ образомъ, его письмами (ко-

¹⁾ А. М. — Artium Magister — магистръ искусствъ.

²⁾ Число, очевидно, невѣрно.

горыхъ было напечатано болѣе ста-тридцати), особенно письмами къ невѣстѣ, къ дочери и къ «Элизѣ». Однако, не смотря на то, что всѣ они черпали изъ одного источника, заключенія, къ которымъ они пришли, не только различны, но даже прямо противоположны. Большая часть изслѣдователей англичанъ клеймятъ его самыми позорными эпитетами, чернятъ всѣми возможными способами, и въ своемъ ожесточеніи доходятъ до того, что, подобно Теккерею, готовы отрицать даже его литературное значеніе; болѣе хладнокровные къ его рѣзкимъ и откровеннымъ нападкамъ и болѣе безпристрастные, вслѣдствіе этого, иностранные критики, напротивъ, не только отдаютъ должное его славу, какъ писателя, но превозносятъ его и какъ человѣка.

«Стерна называютъ юмористомъ, говоритъ Геттнеръ ¹⁾, точно такъ же, какъ называютъ юмористомъ Аристофана, Рабле, Сервантеса и Свифта, а Плавта, Теренція, Мольера—комиками. Основа этого различія заключается въ сущности самаго юмора; юморъ отличается тѣмъ, что въ немъ быстро движущійся внутренній міръ созерцающей личности играетъ гораздо болѣе существенную роль, чѣмъ въ простой комикѣ. Юмористъ выведетъ на сцену не только вещи, но и лирику своей собственной души. Сердце юмориста должно быть—чистое и любящее сердце. Истинный юморъ возвышаетъ и освящаетъ насъ, потому что показываетъ, что, не смотря на всѣ противорѣчія и недостатки, міръ достоинъ, однако, и любви, и жизни».

Геттнеръ находитъ, что личность Стерна вполне удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя высказаны имъ въ его вступленіи. Онъ ставитъ въ упрекъ англичанамъ то, что они съ такой охотой и односторонностью изображаютъ его, безспорно, слабыя стороны, умалчивал о хорошихъ. «За шелухой мы не должны забывать зерна.» А зерно въ Стернѣ есть безконечная глубина его сердца, которое не теряетъ въвращающей любви даже въ самыхъ суровыхъ испытаніяхъ. Жизнь Стерна была несчастлива. Онъ самъ былъ человѣкъ больной, постоянно

¹⁾ Исторія Всеобщей Литературы XVIII столѣтія. Томъ I, англійская литература.

страдавшій кашлемъ и кровохарканьемъ и, кромѣ того, у него была вздорная жена, которая завершила свое себлюбіе тѣмъ, что въ послѣдніе годы разошлась съ нимъ подъ предлогомъ болѣзненности, поселилась въ Южной Франціи и отняла у него любимую дочь его, Лидію.

Все признають, что Стернъ изобразилъ себя въ лицѣ пастора Іорика въ «Тристамъ Шенди». И если бы кто подумалъ, что добрый Іорикъ слишкомъ польстилъ себѣ въ этомъ изображеніи, тому стоитъ только прочесть удивительныя письма Стерна къ Элизѣ. Въ нихъ блистательно обнаруживаются сердечность и чистота его души. Эти письма такъ свѣжи, такъ нѣжны и чисто человѣчны, что съ ними ничто не можетъ сравниться, кромѣ развѣ писемъ Гёте къ Лоттѣ Кестнеръ и госпожѣ Штейнъ.

Въ его «Тристамъ Шенди» нѣтъ ни одного характера, который-бы не возбуждалъ въ насъ любви и «улыбающагося уваженія», и впечатлѣніе, выносимое нами изъ чтенія его, то, что во всѣхъ насъ есть своя доля глупости и что свѣтъ пропасть бы отъ нея, если бы, несмотря на то, мы не были, въ глубинѣ нашего сердца, добродушными и честными чудаками, которыхъ темныя стороны составляютъ только естественное дѣйствіе свѣта. Эта искренность и любезность придаютъ Стерну увлекательную силу; это писатель, съ которымъ намъ становится хорошо. Онъ знаетъ человѣческое сердце до самыхъ тайныхъ его изгибовъ, но въ немъ нѣтъ никакой ненависти и злобы; здѣсь мы всего болѣе узнаемъ, что мать юмора есть любовь. Даже такіе люди, какъ Лессингъ и Гёте, которымъ многое должно было не нравиться въ Стернѣ со стороны художественной формы, увлечены были этой, полной любви, сердечной глубиной и въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ высказывали свое глубокое уваженіе къ поэту.

Мы бываемъ несправедливы къ Стерну, когда смотримъ на него только какъ на поэта. Важнѣе его значеніе культурно-историческое: въ немъ раскрывается поэзія человѣческаго сердца, которая такъ долго была подавлена холодной разсудочной прозой. И если справедливо, что именно къ нему примкнула многочисленная толпа самыхъ слабыхъ подражателей, то учитель

не долженъ отвѣчать за ошибки учениковъ. Стернъ, больше чѣмъ кто нибудь иной, по справедливости, считается родоначальникомъ великаго культурнаго періода, ознаменовавшагося преобладаніемъ гуманитарныхъ началъ.

Намъ кажется, что, не впадая въ крайности и относясь справедливо къ Стерну, мы можемъ сказать, что въ общемъ это былъ человѣкъ сердечный, доступный самымъ нѣжнымъ порывамъ души и, притомъ, безспорно талантливый — даже гениальный.

Что касается его личности, то его письма къ Элизѣ и къ дочери Лидіи дышатъ самымъ искреннимъ, неподдѣльнымъ задушевнымъ чувствомъ. Даже тѣ сцены изъ его произведеній, которыми его особенно рѣзко упрекаетъ Теккерей, доказываютъ глубокую чуткость и воспріимчивость его сердца: человѣкъ, не испытывающій, или, по крайней мѣрѣ, не испытавшій тѣхъ чувствъ, которыми изобилуютъ страницы «Шенди» и «Путешествія», не можетъ придумать ихъ, какъ-бы гениаленъ онъ ни былъ, и если Стернъ не чувствовалъ жалости къ старому «*désobligeant*», не плакалъ въ душѣ по мертвомъ ослѣ — то, во всякомъ случаѣ, трогательная простота, съ какой описываетъ онъ эти картины, сердечность, вызывающая въ насъ лучшія чувства — составляютъ его неотъемлемую заслугу и какъ человѣка, и какъ писателя. Отрѣшиться отъ господствовавшей въ тогдашней литературѣ грубости и топорности и вступить на новый путь шутиваго остроумія и глубоко прочувствованнаго состраданія ко всему обиженному, гонимому, забитому — это уже громадная заслуга для писателя. Какъ-бы искусственны ни были его слезы, однако, онѣ на каждомъ изъ насъ производятъ несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе, болѣе пробуждаютъ насъ къ сознательному, гуманному отношенію къ окружающимъ, чѣмъ цѣлые томы напыщенно-дидактическихъ или грубо-циничныхъ произведеній его современниковъ и предшественниковъ.

Стиль его представляетъ рѣзкую противоположность съ тяжелымъ, темнымъ и наивнымъ языкомъ его предшественниковъ, не исключая даже Фильдинга и Смоллетта. Стернъ не только не придерживается какого-либо порядка или плана,

но, наоборотъ, постоянно перебѣгаетъ отъ одного къ другому, мѣняетъ форму, безпрестанно переходя отъ разсказа къ діалогу, вставляя воображаемые вопросы, намеки и восклицанія постороннихъ лицъ. Это скорѣе разговорный, чѣмъ книжный языкъ: это непринужденная болтовня талантливаго рассказчика, который знаетъ себѣ цѣну, знаетъ, что его игривые анекдоты и непринужденный тонъ не могутъ не очаровать слушателя—и вслѣдствіе этого, Стернъ иногда пересаливаетъ; привыкнувъ вызывать улыбки на лицахъ своихъ слушателей, онъ хочетъ постоянно видѣть ихъ веселыми, и старается не дать имъ ни минуты отдыха. Благодаря самой трудности такой задачи, ему приходится иногда прибѣгать къ преувеличеніямъ, къ искусственному возбужденію утомляющагося вниманія читателя. Но такія усилія являются лишь минутами: онъ быстро оправляется, слушатели еще тѣснѣе окружаютъ его, и рѣчь его льется по прежнему, веселыми, блестяще-остроумными, непринужденными и красивыми оборотами, съ неожиданными сравненіями и безпрестанными отступленіями.

Стернъ совсѣмъ не шутъ. Онъ острякъ — и этимъ облекаются всѣ особенности его языка и его приемовъ. Онъ вездѣ и прежде всего ищетъ случая удивить читателя парадоксальнымъ сравненіемъ, новымъ эпитетомъ, забавнымъ сопоставленіемъ, остроумнымъ описаніемъ или характеристикой. Поэтому онъ и перескакиваетъ постоянно отъ одной мысли къ другой—совершенно противоположной, такъ что читатель переносится въ самыя разнообразныя сферы, удивляясь умѣнью Стерна изъ малѣйшаго слова, изъ пустѣйшаго намека вывести цѣлый рядъ связанныхъ между собой непрерывною цѣпью фактовъ и заключеній—и все это съ такой легкостью, непринужденностью и послѣдовательностью, которымъ могъ-бы позавидовать не одинъ ученый или философъ; въ самыхъ экстравагантныхъ теоріяхъ Стерна часто болѣе логичности, чѣмъ во многихъ отвлеченныхъ теоріяхъ профессиональныхъ мыслителей. И Стернъ достигаетъ своей цѣли—онъ безконечно остроуменъ и увлекателенъ; на каждой страницѣ можно найти чистые перлы юмористическаго разсказа.

Вмѣсто того, чтобы начинать характеристику, какъ дѣла-

ють другіе писатели, съ описанія героя и переходить съ полной постепенностью къ изображенію его личности, Стернь обращается къ мелочамъ, которыя и указываетъ какъ-бы случайно. Онъ говоритъ о своихъ герояхъ, какъ будто они намъ давно извѣстны, и, когда это приходится къ слову, указываетъ на тѣ или иные свойства ихъ; онъ не останавливается на описаніяхъ, а словно скользитъ по нимъ, слегка задѣвая ихъ — и сейчасъ-же переходитъ къ дальнѣйшему изложенію. Несмотря на это, онъ умѣетъ, въ нѣсколькихъ словахъ, часто даже сказанныхъ отъ имени героя, очертить весь его характеръ, представить его такъ рельефно, точно мы его сами видѣли и разговаривали съ нимъ.

«Дядя Тоби ¹⁾), говоритъ Шлоссеръ ²⁾), — сдѣлался историческимъ лицомъ, которое едва-ли когда забудется въ литературѣ и исторіи. Стернь имѣлъ къ своей эпохѣ такое же отношеніе, какъ Виландъ, Дидро и Руссо»...

¹⁾ Одно изъ главныхъ лицъ романа, дядя Тристрама.

²⁾ Ф. Шлоссеръ — «Исторія восемнадцатаго столѣтія». Періодъ третій, отд. II, глава I, § 1.